

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

№9

28 ИЮНЯ 2014

ВАЖНЫЕ ВОПРОСЫ

**Анна Богачёва «Про самого длинного червяка»
Северо-Казахстанский областной театр кукол,
г. Петропавловск, Казахстан**

Театр из Казахстана представил на сцене Екатеринбургского театра кукол сказку для самых маленьких. Кто я? Зачем люди появляются на свет? Для чего мы живём? Эти вопросы режиссёр Елена Покрас ставит в новом спектакле.

Спектакль кукольный. Куклы, изготовленные в мастерской театра, очень хорошие, сказочные, красивые. Артисты настолько гармонично существуют вместе со своими персонажами, что юные зрители воспринимают их как единого героя, не задумываясь, кто главнее.

Сама история выстроена легко, в ней трудно запутаться. Главный герой червяк Аполлинарий Дормидонтович (Алексей Васильев) пытается найти себя в этом мире, понять, для чего же он родился с таким длинным Хвостом (Сапар Мапенев), вечно цепляющим всё в округе, постоянно доставляющим неудобства всем окружающим. Режиссёр сравнивает персонажа с современным подростком, который мучается от того, что не знает, для чего живёт, вечно сомневается во всём, постоянно ищет в себе недостатки. Но ведь каждый для чего-то гожд, всякий человек полезен в этом мире и нужен. Вот и наш главный герой находит своё предназначение в жизни и использует особенность, данную ему природой, в свою пользу – он образует мост через речку, помогая жителям леса перебираться с одного берега на другой.

Мир, который создаёт Елена Покрас вместе с художником-постановщиком Ольгой Мано, укладывается в рамки детской фантазии. На опушке сказочного леса, где происходят все события, нет ничего, что маленький ребёнок не мог бы узнать или придумать.

Спектакль очень живой, добрый, не затянутый. Зрители смотрят эту историю не отрываясь, смеются, когда смешно, и затихают, когда грустно. А ведь так не просто удержать на месте четырёх-

пятилетнего ребёнка хотя бы на протяжении тридцати пяти минут.

Здесь нет специальных театральных приёмов, вовлекающих детей в игру, нет прямых обращений к залу. Действие на сцене настолько занимательно, что развлекать малышей дополнительными средствами не приходится.

Это очень светлый и мудрый спектакль, который важен не только для детей, но и для взрослых.

Настя и Соня, 4 года:

– Нам очень понравились червяк и бабочка. Это очень добрый, смешной и красивый спектакль. Очень понравилось хлопать артистам.

Мама Насти и Сони:

– Интересный, захватывающий спектакль. Видно, что дети напряжённо смотрели, не отвлекались.

Настя, 8 лет:

– Мне кажется, что этот спектакль о дружбе. Было смешно и интересно. Больше всего мне понравился червяк и его хвост.

Мама Насти

– Я сама даже слезу пустила и мурашки побежали в сцене, когда червяк и его хвост нашли себя, своё призвание – помогать людям.

Елена Покрас, режиссёр спектакля:

– Червяк – это каждый ребёночек, у нас он ассоциируется с двенадцатилетним мальчишкой, который думает про себя: «Вот у меня и нос толстый, и ноги кривые, ничего у меня в жизни не получается – и как я вообще буду жить?»

Продолжение на с. 2

Начало на с. 1

Пьеса о том, как устроиться в жизни, как быть полезным, нужным и как научиться общаться. Сейчас молодёжь знакомится в Интернете, а в жизни-то молодые парни элементарно боятся подойти к девушке познакомиться. Подросток думает, что он такой несуразный, всё у него плохо, а на самом-то деле он интересный парень.

Я благодарна Анне Богачёвой, драматургу, за эту историю. Я очень люблю её пьесы и с удовольствием ставлю их. Осенью собираюсь ставить «Чемоданное настроение». Сейчас в современной драматургии мало хороших сказок, и Богачёва для нас просто спасение, потому что мы не можем брать старую советскую драматургию, где идеология «сам погибай, а товарища выручай».

Сейчас немножко смещены у детей идеалы. В этой пьесе, что мне нравится, есть такой момент:

нужно сначала себя познать, прислушаться к своему внутреннему голосу, на себя обратить внимание, а потом уже дружба, социум, понимание в каком ты мире живёшь. На сцене у нас есть большой колокольчик, большой клевер – это символы родительского мира. Мне кажется, любому ребёнку нужно понимать, как важны семья, любовь матери – близкие люди всегда помогут, подскажут. И ответы на житейские, личные вопросы нужно искать не в Интернете, не на улице, а именно в своей семье.

Уральская драматургия, и особенно пьесы Анны Богачёвой для меня очень ценны. Богачёва делает мудрые сказки интересными для самых маленьких, а это очень важно. Ведь так воспитывается зритель, который придёт в «серьёзный» театр через десять лет.

Материал подготовила Лидия Корзун

СЛИШКОМ ЛЮДНЫЙ МОНОЛОГ

Юлия Йонушайте «Я солдат, мама!»
Кировский областной драматический
театр имени С. М. Кирова

Тема человека на войне, к сожалению, до сих пор является одной из наиболее актуальных и болезненных в сегодняшнем театре. Драматурги и режиссёры регулярно получают новые поводы для того, чтобы вновь начать говорить со сцены о бессмысленности военных действий. Это задача не из лёгких: тут помимо профессионализма необходимы особая деликатность и чувство меры.

Юлия Йонушайте в монологе «Я солдат, мама!» смогла предельно просто и внятно рассказать историю мальчика, который чудом выжил в детстве и из упрямства пошёл в армию, по воле случая попал в точку военных действий и погиб по простой неосторожности. Всё просто и от того страшно: уже умерший герой говорит о случившемся ровно, без лишних эмоций, перечисляя факты своей короткой жизни. Пожалуй, только через воспоминания о любви к девушке он раскрывается: истории о первом свидании и первой близости выдают в нём романтического, ранимого и очень чуткого человека. В ситуации войны он эмоционально закрыт, старается не впускать в себя происходящее, но это его не спасает.

В спектакле Владимира Жданова камерная история выходит за рамки монолога, что делает её чуть более масштабной, но менее внятной. Помимо главного героя (Иван Шевелёв) на сцене появляются одноклассники-девушки-друзья-сослуживцы и прочие, успевшие оставить след в памяти молодого солдата, люди. За избыточной суетностью действия, возникновением всё новых персонажей теряются и любовь, и война, и смерть.

В интересно организованном и талантливо оформленном пространстве хочется видеть и слышать Ивана Шевелёва, но он поставлен в условия, в которых должен всё время работать с другими актёрами, чего изначальный текст пьесы всё-таки не предполагал. Режиссёр не даёт актёру возможности вступить в диалог с залом, хотя попытки этого самого диалога и случаются. Перегруженное персонажами, светом, звуком, действием камерное пространство не выдерживает: гармоничной картинке не получается и за общей мешаниной пропадают и хороший текст, и работа толкового актёра. Возможно, просто нужна большая площадка, на которой бы и актёры, и режиссёр, и художник смогли работать, не наступая на пятки друг другу.

Пьесу «Я солдат, мама!» невозможно выбрать для постановки случайно. Уверена, что Жданов шёл на это осознанно, потому что ему было что сказать, потому что у самого «за всех за тех, кто там» болит. Но драматург в этой работе явно победил режиссёра. 1:0 в пользу литературы.

Мария Зырянова

В ЭТОМ СПЕКТАКЛЕ МОЙ ПАРТНЁР — ЗРИТЕЛЬ

Иван Шевелёв, исполнитель главной роли в спектакле «Я солдат, мама!»

Расскажите, как шла работа над этим спектаклем?

Спектакль мы поставили в феврале, его премьера совпала с годовщиной вывода советских войск из Афганистана. «Афганцы», кстати, помогали нам в работе над этим проектом, консультировали нас, как обращаться с оружием, рассказывали какие-то свои истории, правда, без особых подробностей. Сам спектакль основан на реальных событиях, автор, Юлия Йонушайте, общалась с ребятами, прошедшими через российско-грузинский конфликт.

Изначально я планировал действительно сделать моноспектакль, однако, поработав с текстом, я почувствовал, что могу не справиться с материалом. Владимир Жданов, режиссёр, после наших с ним долгих обсуждений и притирок предложил оживить часть воспоминаний главного героя с помощью других персонажей. Так в спектакле появились другие действующие лица. Часть реплик мы дописали. Например, деда с яблоками или замполита. Слишком много ярких историй, чтобы просто проговорить их.

Есть ли у вас точки соприкосновения с персонажем? Служба в армии, может быть?

Меня и моего героя разделяют 11 лет, и в армии я не служил, но есть определённое сходство между мной и персонажем пьесы. Мои друзья-одноклассники уходили в Чечню, кто-то из них погиб, кто-то вернулся изменившимся до неузнаваемости. Вот эта цепь потерь и сближает меня с моим героем.

Как вы думаете, ваш персонаж – герой или жертва обстоятельств?

Главный герой, конечно, не жертва, иначе у нас всё население страны, так или иначе, является жертвами обстоятельств и системы. Назвать его героем тоже, наверное, несправедливо, иначе у нас таких героев в каждом доме полно. Он проходит большой путь от парня, которому всё равно, которому на всё наплевать, до защитника родины, до солдата. Но он не просто вояка, он яркий человек, человек-праздник, он сам об этом говорит, и пока на войне одни, подобно персонажу из «Рядовых», приучаются к вкусу крови, он смотрит на небо и горы, на сияние, смотрит вверх. Он не жалуется на жизнь.

Наверное, если бы он не пошёл воевать, то всё равно бы сгорел, пусть и более ярко, но жизнь его была бы в любом случае скоротечной.

Мы считаем важным подчеркнуть в спектакле, что жизнь не заканчивается с исчезновением тела, ушедшие близкие продолжают жить и наша задача – не рвать с ними связь.

Современная пьеса создаёт для артиста какие-либо дополнительные сложности?

Одна из главных сложностей работы с современной драматургией – это использование ненормативной лексики. На мой взгляд, театр должен найти художественный эквивалент мату или подвести к нему, но не произносить напрямую. Должен быть некий художественный образ, а не быт.

Работая с пьесой, я чувствовал, как во мне скрипит всё наработанное актёрство, сложившиеся штампы. Нужно было показать другой способ существования персонажа. Ведь с партнёрами по сцене он «живой», он их собеседник, а со зрителем он ведёт некое расследование своей жизни и пытается достучаться до живых «из мира мёртвых».

Мы даже на репетиции звали зрителей, актёров театра, не занятых в спектакле, знакомых, друзей, чтобы отработать с ними взаимодействие. Зритель в данном случае становится моим постоянным партнёром. Другие действующие лица время от времени появляются на площадке, а зритель вместе со мной присутствует постоянно, я должен всё время вести с ним диалог. И это даже не какими-то условиями современной драмы продиктовано: я должен любыми средствами отвоевать вас у кино, у Интернета, у телевидения. Что я могу предложить взамен компьютерной графики и 3D? Только живое общение.

Беседовал Алексей Еньшин

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ ЖАННЫ

Ярослава Пулинович «Жанна»
Алтайский краевой театр драмы
имени В. М. Шукшина, г. Барнаул

Пьеса Ярославы Пулинович «Жанна» – хит последних лет, её активно ставят как в региональных, так и в столичных театрах.

Режиссёр Александр Огарёв главной героиней своего спектакля решил сделать не сильную бизнес-вумен со сложной судьбой и стальными нервами, а вполне себе обычную женщину. Его Жанна (Лена Кегелева), действительно, как отмечено в анонсе спектакля, «среднестатистическая незамужняя россиянка». Слегка полновата, миловидное лицо, мягкий голос. Она не скрывает свою суть под железной маской. Обыкновенная женщина, которая по уши влюбилась в молодого парня и потеряла контроль над собой.

Жанна врёт своему коллеге Виталию Аркадьевичу про то, что равнодушна к детям. Мы тут же видим, как она начинает плакать, когда слушает его рассказ про дочку Варю. А уж вернувшегося Андрея она и вовсе сразу же готова принять назад с распростертыми объятиями! Такой «типичной женщиной» Жанна остаётся на протяжении всего спектакля. Поэтому и не понятно, откуда вдруг в финале появляется монстр, решивший отнять ребёнка у своего бывшего любовника. Момент внутреннего перелома героини где-то был потерян... Видимо, не случайно и монолог об истории становления Жанны создатели спектакля изрядно сократили, а то, что осталось, проходит, что называется, «в пробор». В пьесе монолог рассказывал, «как закалялась сталь». А если стали нет, то и этой истории быть не может, а есть какая-то другая.

Спектакль проходит под аккомпанемент русской фольклорной музыки: романсы, лирические распевы, народные мотивы... Складывается

ощущение, что эта музыка призвана добавить, так сказать, русской духовности – жанр определён как «современные русские истории». В определённой мере это оправдано. И истории, до боли знакомые, действительно есть.

Наравне с «типичной женщиной» Жанной выступает и пара Андрей-Катя. Катя типичная беременная второкурсница: две косички, в одной руке большая мягкая игрушка, в другой – банка с маринованными огурцами. Сначала, пока ещё всё благополучно – восторженная и влюблённая. Потом, когда начинаются трудности – ворчливая и стержовная. Знаете таких? Я тоже. А вот Андрей не совсем «типичный» парень. Он любит заниматься «не-мужскими» делами: готовит и вяжет крючком. Отец заставил уехать от любимых мамы и бабушки, из деревни в город, учиться и «добиваться» лучшей жизни. Тоже знакомая ситуация? Да.

Ещё один режиссёрский момент: некоторые сцены сделаны нарочито театрально. В эпизодах, когда Андрей рассказывает о своих увлечениях, с колосников в красном свете и под эпичную музыку спускается то бутафорская курица гигантских размеров, то вязаный свитер... В сцене после рождения сына Андрей и Катя, как по подиуму, идут по столу, а остальные артисты высыпают на них бумажный снег из мешка, раздувают полы их черных плащей и проносят мимо, словно подхваченные ветром, газету, стул, банку с помидорами, розовое боа... Сажу и думаю: что это? Странный юмор по поводу парочки молодых родителей, оставшихся без крыши над головой с ребёнком на руках? Или танец со стриптизёрами – режиссёр теряет чувство меры, и это выглядит пошло.

Что действительно хорошо в этом спектакле, так это свет. Помимо театральных софитов на самой сцене есть ряд полукруглых торшеров, которые на протяжении действия трансформируют пространство. Для актёров они то символы машинных фар, то яркие, разъедающие глаза лампы, как в больницах (в сцене избиения Андрея). Одним словом, свет здесь ещё один персонаж – красивый, играющий, разный.

Но всё вместе – интересный свет, народная музыка, истории героев, неоднозначный режиссёрский юмор – в одну картину, лично у меня, не сложились. А потому и вопрос об отношении режиссёра к своим героям и к своему зрителю остался открытым.

Инна Афанасьева

ПРОТИВ ИЛИ ЗА?

Екатерина Васильева
«Однажды мы все будем счастливы»
«Театр.Акт», г. Казань

Ещё до начала спектакля этот вопрос (за или против) был задан режиссёром Родионом Сабировым и адресован зрителям: он сообщил, что по окончании действия каждый может положить на весы возле выхода белый или чёрный камень, оправдав поступок героини или осудив его.

В пьесе Екатерины Васильевой перед главной героиней Машей (Ангелина Мигранова) неоднократно встаёт всё та же дилемма: да или нет? Кидать ли яйца из окна в бабушек у подъезда, подстраиваться под окружающих или идти вопреки, дружить с самыми популярными девочками класса или терпеть нападки со стороны сверстников... признаться в том, что мать школьная уборщица, или продолжать врать, что она работает в политбюро. Дальше больше: плюнуть в мать, сохранив авторитет, или вступить за неё, потеряв «подружек». У каждого из этих вариантов есть свои «против» и свои «за», но эти вопросы здесь далеко не главные. Спасти или убить – вот в чём вопрос. Сказать, что злые дети бросили матери в чай ртутные шарики – или... Маша выбирает вариант промолчать. Чай выпит. Но есть и следующий вопрос. А был ли выбор у этой девочки? Вот о чём речь.

Идея изначального оправдания героини этой пьесы является достаточно необычной и интересной. Режиссёр и актриса сделали всё, чтобы мы поняли, что любой человек заслуживает сочувствия, понимания и оправдания. У них это получилось ровно настолько, насколько это возможно.

Моноспектакль – жанр сам по себе непростой, а в данном случае, мы имеем дело ещё и с монологом, когда никакой режиссуры вообще не предполагается. Актрисе призваны помочь лишь два световых пятна, музыка «в тон» повествованию, дым в начале и финале, и минимум сценического оформления площадки.

На сцене нет масштабной декорации, а та, что есть, весьма символична: большое количество камней по обе стороны извилистой деревянной дорожки, уходящей за кулисы. Дорога – это жизнь; камни – препятствия, через которые нужно пройти. А Маша, соответственно, путник, идущий по дороге жизни.

Из светового пятна (№1), из глубины, из клубов тумана выходит к нам Маша, идёт... резко разворачивается (передумала?), бежит обратно (снова передумала?) – входит в другое световое пятно (№2 и основное) – и начинает свой нелёгкий рассказ, «сокровенный разговор», как заявлено в программке. Мизансцен тоже только две, режиссёр выводит артистку на самый первый план, в свет, прямо «на нос» к зрителю. Никуда не спрячешься, ничто не прикроет. За спиной у неё дорога, темнота и туман, перед лицом – множество глаз, смотрящих из зала. Ей нельзя отвернуть-

ся, разрешены лишь несколько движений: повернуться в профиль, опустить глаза в пол или поднять их в потолок... или в церковный свод. Нельзя даже поставить на пол старый большой чемодан со всем нехитрым скарбом, накопленным за недолгие прожитые годы (он не откроется, конечно, всё – в тексте). Можно лишь переключать его время от времени из левой руки в правую, из правой в левую... И один раз, конечно, в самый тяжёлый момент выбора «спасти или нет» – чемодан полетит на пол.

Всю дорогу есть ощущение, что Маша стоит прямо перед иконостасом, а зрители – иконы, большие и маленькие, с которыми она и разговаривает. Ангелина Мигранова становится весьма успешным адвокатом своей героини. Ей удаётся вызвать к персонажу сочувствие и даже жалость. В финале за сценой опять зажжётся свет, на который девочка пойдёт по деревянной дорожке, снова уходя в густой туман. Затемнение... световое пятно №1 – в нём только чемодан, вокруг клубится дым. Теперь зрителю и надо решать, чёрный или белый камень положить на весы.

На вопрос Маши: «В чём я виновата?!», хочется ответить: ни в чём. У создателей спектакля получилось слишком много «за», но не хватило многих «против». И поэтому монолог кажется только страшными мыслями, хоть раз в жизни да пролетающими в голове любого ребёнка, когда он разозлится на родителей. Он даже думает: «Вот бы они умерли». А потом испытывает счастье, что ничего такого взаправду не случилось... Этой Маше можно жить дальше, с нами, она никого на самом деле не убивала. Выбора нет, нам дали два белых камня.

Елена Шангина, Вера Цвиткис

Ангелина Мигранова, Родион Сабиров

Ангелина, какая у вас семья?

АМ. Хорошая! Вот – мы с Родионом муж и жена (*Смеётся*). Также мы являемся художественными руководителями нашего театра, актёрами и режиссёрами, создателями наших спектаклей... Всем вместе.

А с мамой – какие были у вас в детстве отношения?

АМ. Очень хорошие. До этого мы поставили ещё один спектакль на похожую тему, и тоже один зритель вот так спросил: а у вас всё в порядке с семьёй? Слава Богу, что всё в порядке, иначе... наверное, мне и не захотелось бы в этой проблеме разбираться, копать.

И почему всё-таки возникло такое желание?

Это появилось не из моей личной жизни, а из проблем нашего времени: откуда нелюбовь, откуда злоба в людях сейчас? Где её исток? А когда такое между матерью и дочерью, вдвойне плохо: злоба к родному человеку...

Продолжение на с. 6

Начало на с. 5

А у вас есть дети?

АМ. Нет. Пока нет.

К вам, ни как к дочери, ни как к матери, это не относится... Почему вы решили поставить именно эту пьесу?

РС. Можно я отвечу? Мы нашли её в Интернете, хотели что-то из современной драматургии поставить. Прочитали – и что-то так зацепило! Мы ведь уже даже сами не замечаем, как злимся. Кто-то нас обидит: в транспорте где-то случайно, начальство на работе, или обманет кто-то... Мы приходим с этим негативом домой и срываемся на близкого человека. Не могу сказать, что в нашей семье есть такая проблема, и родители у нас добрые и хорошие... Но то, сколько злобы мы на-

блюдаем в окружающем мире – и есть та проблема, о которой мы хотели сказать.

То есть вы хотите изменить мир?

РС. Мир – нет. Это слишком громко!

АМ. Но если хотя бы один человек задумается, например, над своим отношением к близким, к родным... Зрительница к нам подошла однажды, плачет и говорит, что у неё действительно такие отношения с дочкой, и она готова многое пересмотреть...

РС. Мы знаем, что где-то есть такая Маша. И жалко её, и жалко нас – что мы, общество, допускаем такое. Не мама виновата, не Маша – это мы виноваты, что злость в нас есть. Мы! Для нас с Ангелиной это не спектакль, а откровение, поэтому мы и не стали ничего «разыгрывать».

Беседовала Вера Цвиткис

СКВОЗЬ ПРИЗМУ КРУГЛОГО СТОЛА

Off-программа «Коляда-Plays» представила новый формат – круглый стол, на котором Илья Губин презентовал свою книгу «Новая драма сквозь призму творчества Олега Богаева».

Фестиваль, отражая процессы в современном театральном искусстве, конечно, не может стоять на месте – расширяется год от года не только в географическом, но и в предметном плане. Появление в программе мероприятий, посвящённых изучению творчества современных драматургов, значительно обогащают фестиваль.

О перспективности развития этого направления свидетельствует то, что первый шаг предпринял молодой исследователь из Перми Илья Губин. В прошлом году Губин проводил в рамках фестиваля дискуссию о современной уральской драматургии, а сегодня уже выпустил книгу, читает лекции в университете и в ближайших его планах – обращение к творчеству самого Николая Коляды.

Играючи оперируя терминами, но интересно и доходчиво, Илья Губин рассказал о новой книге, иллюстрируя свои научные выводы примерами из пьесы Олега Богаева «Вишнёвый ад Станиславского».

Второй участник круглого стола – Николай Коляда. Он поддержал начинания Губина, как обеспечением финансовой стороны издания кни-

ги, так и собственным присутствием и выступлением на данном мероприятии. Директор фестиваля привёл в пример Европу, где даже слабым и вовсе ничего не стоящим драматургам уделяют большое внимание, не говоря уже о значимых современных авторах. В России, к сожалению, филологи и литературоведы всё «копают под классиков», и поэтому современная литература, глубокая и востребованная читателями, серьёзно почти не рассматривается, к ней относятся, словно это «временная болячка или случайное явление». Он, наконец, подытожил, что Илья Губин – молодец: не ограничивается вниманием к современной драматургии как одной из составляющих литературного процесса, но и выделяет её в ведущий жанр.

Николай Коляда и Илья Губин поговорили не только о новой книге, но и об учениках драматурга и их успехах в театре. О перипетиях с высшими инстанциями. О том, как создать свой театр. Как жить с новым законом против мата в искусстве... и многом другом. Затем в разговор вступили прочие участники фестиваля, особенно активны были режиссёры. Говорили о сложности постановки современных пьес на большой сцене в бюджетных театрах. О трудности восприятия новой драматургии. И о резком разделении аудитории – мол, половина зрителей, едва ли способна принять такой театр...

Что ж поживём – увидим. И через год, надеемся, обсудим на новом круглом столе!

Юлия Серебрякова

Выпуск подготовили:

Елена Гецевич,
Вера Цвиткис

Добавить в избранное!
Все новости фестиваля
на www.domaktera.ru

